

Н.Ю. Кудеярова ©

Европа – Латинская Америка: Миграционные процессы на новом витке глобализации

Аннотация. Глобализация внесла значительные коррективы в динамику миграционных потоков между Латинской Америкой и Европой. Диверсификация направлений отчетливо проявилась прежде всего в Южной Америке. Так, 30% мигрантов региона выбрали Европу в качестве цели миграции, 55% этого потока пришлось на Испанию. Новые свойства межконтинентальных миграций несут в себе большой потенциал экономического развития и трансформации человеческого капитала.

Abstract. Globalisation has substantially changed the Latin America–Europe migration flows dynamics. The destinations' diversification is clearly evident first of all for South American migrants. 30% of the region migrants have chosen Europe, while Spain accounts for 55% of this flow. New quality of intercontinental migration provides a great potential for economic development and human capital transformation.

Ключевые слова: глобализация, миграция, Латинская Америка, Испания, Италия.

Keywords: globalization, migration, Latin America, Spain, Italy.

Двусторонние миграционные связи между странами Латинской Америки (ЛА) и странами европейского континента стали важным элементом в процессе становления современных американских государств. Ключевым фактором в формировании

американской государственности стали миграционные волны, синхронизированные с общей динамикой процесса глобализации. Такая взаимосвязь не случайна, поскольку в исторической проекции глобализация не только вела к диверсификации и интенсификации финансово-экономической деятельности, но отрывала тысячи людей от привычных мест проживания.

При этом «глобализация, как и многие другие исторические процессы, имеет не только поступательную, но и волновую (циклическую) составляющую, которая описывает подъемы и спады интеграции», – отмечал российский историк В.И. Пантин [Пантин, 2003, с. 7]. Волнообразная составляющая наглядно проявилась в динамике межатлантических миграционных процессов. Наряду с периодами подъемов и спадов наблюдались изменения и в направлении потоков миграции: если в конце XIX – первой половине XX в. вектор мобильности был направлен из Европы в страны ЛА, то на рубеже XX–XXI вв. обрело силу обратное движение.

По мнению российского исследователя Е.В. Тюрюкановой, «международная миграция является составной частью всех теорий и моделей глобализации, выступая в двойном качестве – как провоцирующий момент и как результат глобальных изменений» [Тюрюканова, 2004, с. 278]. При значительном разнообразии определений в целом глобализация понимается как «объективно происходящая концентрация мирохозяйственных связей на современной технико-технологической и информационной основе» [Яковлев, 2017, с. 6], где базовые признаки проявляются в международной интеграции и влияют на широкий спектр сопутствующих социально-экономических областей.

Подобное разнообразие трактовок проявляется не только в том, что глобализация сопровождается интенсификацией международных миграций, но и в том, что «люди менее мобильны, чем деньги, товары или идеи: они всегда принадлежат к какому-либо государству, зависимы от паспорта, визы, разрешения на проживание и конъюнктуры рынка труда» [Тюрюканова, 2004, с. 288]. Поэтому человеческая мобильность зачастую находилась в тени более ярких процессов и нередко напрямую не связывалась с развитием глобализации [Hirst, Thompson, 1995].

Каждая новая волна глобализации сопровождалась качественной трансформацией транспортной системы: технологическое развитие транспорта и средств связи оказывало прямое воздействие на рост интенсивности передвижения, сократив миграционный цикл. Современные возможности изменили пространственное восприятие, в том числе психологический аспект категории «расстояние». Так, английский социолог Зигмунт Бауман утверждал, что это уже «не объективная безличная физическая данность, а социальный продукт; его протяженность зависит от скорости, с которой мы его преодолеем (а в монетарной экономике – еще и от того, во сколько обходится такая скорость). Все другие социально обусловленные факторы определения, разделения и поддержания коллективных идентичностей – вроде государственных границ или культурных барьеров – в ретроспективе представляются лишь второстепенными следствиями этой скорости» [Бауман, 2004, с. 24].

По нашему мнению, воздействие глобализации в рамках миграционных процессов проявляется в таких характеристиках, как количественный рост международной миграции, диверсификация выбора географической цели передвижения, построение глобальных транснациональных и трансграничных сетей социальных связей и пространств. Концепция транснационализма, предложенная в 1980-х годах американскими антропологами в качестве обозначения совокупности процессов, стала важной составляющей современных теоретических размышлений на тему миграции.

Данный термин прочно укрепился в научном обороте [Waldinger, Fitzgerald, 2004; Migraciones y codesarrollo., 2010, p. 54]. В рамках такого подхода миграция рассматривается не как односторонний или двусторонний процесс, а скорее как строительство и реконструкция социальных сетей. Они, в свою очередь, структурируют пространственную и трудовую мобильность, социальную, культурную и политическую сферы жизни не только самого мигрирующего населения, но и их семей, окружения, локальных сообществ.

Южный миграционный ареал: европейское направление миграции

Массовое появление латиноамериканцев в странах Европы на рубеже XX – XXI вв. во многом имело взрывной эффект и разрушило сложившийся стереотип о путях и направлениях их миграции, поскольку в последней четверти XX в. активное передвижение населения было направлено преимущественно на север (в США) и в соседние государства южноамериканского континента. Произшедшие изменения стали результатом длительных процессов в социально-экономической и демографической сферах. На исходе 1990-х годов в региональной географии мобильности был преодолён важный рубеж, который четко обозначил разделение двух миграционных ареалов. Единая система с односторонним доминированием США осталась в прошлом. Согласно проведенному подсчету на основе данных Всемирного банка, можно уверенно говорить о формировании двух миграционных ареалов, которые можно обозначить как Северный и Южный [Кудеярова, 2017, с. 86]. В настоящее время по численности вовлеченных людей (24 млн человек) первенство принадлежит Северному ареалу, ориентированному на США. Крупнейшая экономика мира притягивает 90% мигрантов, покидающих Мексику, страны Центральной Америки и Карибского бассейна.

По мере движения на юг континента характеристики миграционных потоков существенно изменялись. Наиболее интересные процессы с точки зрения географического разнообразия и синхронизации с общими глобальными трендами (внерегionalные маршруты, феминизация, профессиональная мобильность квалифицированных кадров и другие) происходили в пространстве Южного ареала. Он включал в себя страны Южной Америки, где совокупная численность мигрантов достигла 12,2 млн человек. В этом регионе произошла значительная диверсификация направлений миграционных потоков. В первом десятилетии XXI в. обозначились три равнозначных сегмента: на внутрирегиональную мобильность приходилось 33,6% миграций южноамериканцев, европейское направление притягивало 29,7, в США отправлялись 24,5% уроженцев региона. Внутри вышедшего на лидирующие по-

зиции европейского направления первенство принадлежало Испании. Важность иберийской страны в качестве новой цели миграционного движения сложно переоценить – она активно конкурировала с США, став второй страной по численности аккумулируемого потока. Испания приняла 16,5% общего количества мигрантов обозначенного региона, что составило 55% всех переселенцев в Европу, второе место заняла Италия (15), на третье место вышла Франция (4%) [Migration and remittances., 2018].

Европейский вектор латиноамериканской миграции подтвердил тесные исторические связи между регионами. Новой характеристикой современного этапа мобильности стало включение в этот процесс андских стран, которые ранее не были вовлечены в массовые трансатлантические передвижения конца XIX – первой половины XX в.

Становление внерегиональных направлений миграционной мобильности для жителей ЛА – явление относительно новое. Начало современной волны можно отнести к 1998 г., когда в европейских странах, таких как Испания и Италия, стало стремительно увеличиваться присутствие выходцев из латиноамериканских стран. В качестве одной из причин ряд исследователей подчеркивали роль ужесточения миграционной политики в США, что повлекло за собой увеличение рисков, трудностей и затрат для въезда в эту страну.

Период 1990-х годов стал ключевым для формирования миграционного поведения жителей региона. Большинство южноамериканских стран находилось в состоянии демократического транзита. Социально-политическое наследие военных режимов, а также цена, заплаченная за проведенные неолиберальные реформы, привели к углублению пропасти социального неравенства и обнищанию значительной части населения. На рубеже столетий в андских странах в состоянии бедности находилось более 50% населения, в Эквадоре и Боливии – около 65% [Population., 2015].

Развитию миграционных настроений способствовало демографическое давление: в 1970–1980-х годах показатель рождаемости в андских странах был близок к физиологическому максимуму и находился в диапазоне 38,3–41,6 промилле. Он практически в два

раза превышал аналогичные показатели стран атлантического побережья – Уругвая и Аргентины (20 и 26 промилле соответственно). Пиковые показатели рождаемости и снижение смертности привели к трансформации возрастной структуры населения, существенно увеличив «выигрыш» человеческих жизней во всех возрастных группах, особенно молодых. Фактически с лагом в 20 лет на рубеже столетий эти данные отразились на динамике выхода нового поколения на рынок труда.

Как отмечали авторы доклада «Экономические перспективы Латинской Америки: Молодежь, компетенции и образование», ЛА – это регион с высоким процентом молодого населения, возраст каждого четвертого его жителя – от 15 до 29 лет. Однако по статистике 64% жителей обозначенного возрастного диапазона (около 100 млн человек) принадлежали к бедным слоям или низшим стратам среднего класса со сложным материально-экономическим положением [Perspectivas., 2016; Ермольева, 2017, с. 91–92]. Инерция демографического бума проявилась на фоне негативных социально-экономических процессов.

При этом нельзя не отметить, что на протяжении 1990-х годов происходило постепенное повышение уровня благосостояния, отражавшееся через показатель ВВП на душу населения: в Боливии, Эквадоре и Колумбии за десять лет он вырос на 1000 долл., в Уругвае и Аргентине – более чем на 4000 долл. Однако значение этого индикатора отставало от соответствующих значений в Испании и Италии более чем в 2–4 раза [World development., 2017].

Параллельно в Испании проявлялись демографические предпосылки для приема мигрантов и формировалась потребность в новых рабочих руках. В итоге высокая доля молодежи, выходящей на рынок труда, и огромная брешь социального неравенства создали предпосылки для взрывной интенсификации трансатлантической мобильности.

Испания

Миграционный поток из латиноамериканских стран менее чем за десятилетие изменил структуру населения иностранного происхождения в Испании. Этому способствовала синхронизация

двух автономных процессов: с одной стороны, трансформация миграционной динамики в государствах Южной Америки, а с другой – изменение характера мобильности населения Испании, где к концу 1990-х годов явно сформировалась модель страны – реципиента миграции.

Социально-экономические характеристики переселенцев, восприятие мигрантов общественным мнением в период миграционного «бума» в Испании, проблемы адаптации и интеграции нашли отражение в работах С.М. Хенкина [Хенкин, 2005; Хенкин, 2009] и И.Г. Синельщиковой [Синельщикова, 2007; Синельщикова, 2008]. Стремительный рост численности латиноамериканцев в Испании можно отнести к периоду 1998–2007 гг.

Хотя в этот период Испания в целом столкнулась с масштабным притоком мигрантов, где были представлены все континенты, отметим, что наибольшее воздействие на состав населения иностранного происхождения оказал приезд уроженцев государств ЛА. Это привело к серьезному перераспределению пропорций основных групп мигрантов (см. рис.).

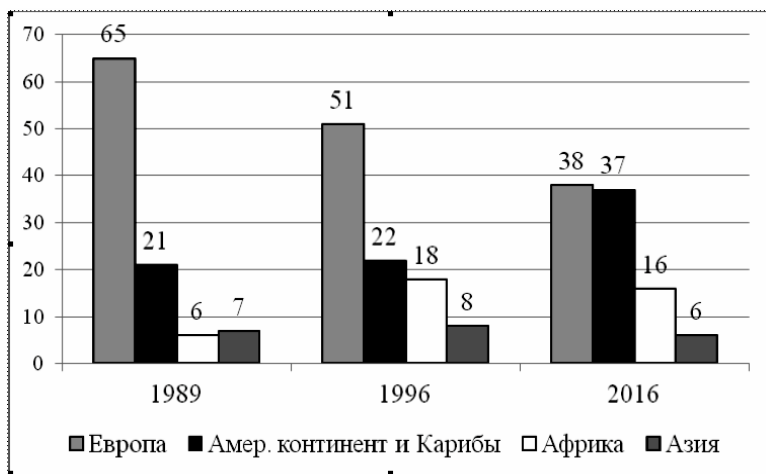

Рис. Структура населения иностранного происхождения в Испании (%)

Источник: составлено автором по данным: [Хенкин, 2005, с. 158; Extranjeros., 2016].

Региональная и страновая структуры сформировавшихся сообществ имели свои особенности: латиноамериканцы не занимали первую строку среди государств происхождения мигрантов. В этом ряду первенство принадлежало Марокко – стране, из которой прибыло более 70% африканцев. Латиноамериканцы, напротив, были очень диверсифицированы. На первом месте закрепились выходцы из Эквадора, на них приходилось 19% общей численности латиноамериканских мигрантов (stock migration), на втором месте – колумбийцы (16), на третьем – аргентинское сообщество (11), затем следовали переселенцы из Боливии и Перу (по 8%), завершали этот список мигранты из Венесуэлы и Доминиканской Республики, на которых приходилось по 7% [Migration and remittances., 2018].

На протяжении полутора десятилетий соотношение этих сообществ колебалось, они по-разному реагировали на негативные процессы на испанском рынке труда. Численность эквадорской группы достигла пиковых суммарных значений в 2009 г. и составила 440 тыс. человек. Наибольший прирост численности в абсолютном выражении был показан в 2004–2005 гг., когда сообщество увеличилось на 135,5 тыс. человек. Затем темп прироста стал снижаться и продемонстрировал негативные показатели на фоне посткризисной стагнации.

Аналогичную динамику можно было наблюдать у колумбийской и перуанской общин, где наивысшие показатели были в 2009 г. – 287 тыс. и 144,6 тыс. человек соответственно. Число уроженцев Боливии достигло максимального значения 144,7 тыс. резидентов в 2012 г. и, несмотря на последствия кризиса, впоследствии динамика осталась положительной [Extranjeros., 2016]. На общем фоне сокращающегося объема южноамериканской миграции росла численность мигрантов из стран, испытывавших масштабные макроэкономические проблемы, прежде всего из Венесуэлы и некоторых государств Карибского бассейна.

Примером своего рода базовой модели трансатлантической миграции стал Эквадор. Одним из важных стимулов начала активной миграции был действовавший в Испании визовый режим, установленный двусторонним соглашением 1963 г. Он давал эквадорским гражданам возможность «независимо от места жительства,

на основании паспорта въезжать и находиться в Испании без визы на срок, не превышающий трех месяцев» [Canje de notas., 1982]. Обозначенные нормы давали право на въезд, но для легальной профессиональной деятельности сохранялась необходимость рабочей визы. В этом же ряду можно упомянуть соглашение о двойном гражданстве, действовавшее между Испанией и Эквадором в 1965–2000 гг., которое давало возможность получения испанского гражданства после двух лет пребывания в стране [Córdoba Toro, 2015]. В совокупности эти условия существенно подогревали интерес к новому направлению миграции.

Действие соглашения 1963 г. было отменено в 2003 г. из-за вступления в силу Регламента Совета Европейского союза, в котором Эквадор был включен в списки третьих стран, чьи граждане обязаны получать визу для пересечения внешних границ государств – членов ЕС [Denuncia del canje de notas., 2003].

К этому моменту практика облегченного въезда позволила сформироваться крупному транснациональному сообществу, ставшему важным элементом миграционной сети. По сходному сценарию развивалась миграция и из других андских стран. Начало боливийской миграционной волне положили проживавшие в Аргентине мигранты, которые покидали эту страну из-за разразившегося в ней мощного экономического кризиса 2001 г. Как и в эквадорском случае, на начальном этапе им не требовалась въездная виза. По мнению боливийского журналиста Эдвина Переса, специализировавшегося на миграционной тематике, выходцев из андской страны условно можно было разделить на две группы – экономических и «экологических» мигрантов. Если первые уезжали по экономическим причинам в поиске лучших условий труда и жизни, то вторые были крестьянами, покидавшими свои земли из-за освоения их горнодобывающими компаниями [Vaquero, 2006].

Политическая нестабильность и тяжелая экономическая ситуация в начале века способствовали расширению географического горизонта в выборе направлений миграции, многие выбирали Испанию. Примером востребованности трансатлантического маршрута может служить информация о частоте прямых авиарейсов в Испанию: если до «бума» полеты совершались один раз в три ме-

сяца, то в начале нулевых годов текущего века – восемь раз в месяц [Denuncia del canje de notas., 2003].

Важную роль в развитии массовой миграции из ЛА в Испанию сыграли личные, неформальные социальные сети поддержки. Являясь ключевым элементом транснациональных сообществ, они служили информационными каналами и оказывали помощь на разных стадиях миграции. Например, 66% эквадорских мигрантов в Испании получили финансовую поддержку для переезда со стороны уже проживавших в Испании родственников, 77 – воспользовались полученной информацией, в 88–90% случаев мигрантам помогали с жильем и поиском работы.

Также можно отметить двусторонний характер помощи и связь со страной происхождения: так, 30% эквадорцев, проживавших в Испании, получили финансовую помощь для миграции со стороны людей, которые находились в Эквадоре на момент предоставления помощи (родственники, друзья, репатрианты и т.д.). При этом ключевой фигурой в социальных сетях оказывался родственник, проживавший в Испании, который превращался в центральное звено цепи мигрирующих из Эквадора в Испанию [La poblaci3n., 2015, p. 51].

Транснациональное пространство требовало постоянного поддержания многостороннего формата связей. Одним из системообразующих элементов взаимодействия со страной происхождения являлись денежные переводы. Этот финансовый инструмент, с одной стороны, представлял собой индивидуальную материальную поддержку оставшихся на родине членов семьи, а с другой – в своем суммарном исчислении оказывался значимой частью экономики стран происхождения мигрантов. Испания стала важным источником денежных переводов для жителей государств ЛА, в 2016 г. было отправлено 3 млрд 897 млн долл. Основными странами-получателями были Эквадор (25%), Колумбия (19%), Доминиканская Республика (15%) и Перу (10%) [Migration and remittances., 2018].

В Эквадоре наряду со строительной отраслью и промышленностью денежные переводы стали одним из моторов экономики на местном уровне. Согласно исследованиям, проведенным в эквадорской провинции Асуай, с помощью этого финансового инструмен-

та было профинансировано 5191 предприятие (около 16% от общего числа). В основном это были небольшие фирмы, занимавшиеся техническим обслуживанием, ремонтом, мелким производством, продуктами питания и другими видами деятельности. В структуре расходов до 74% получаемых средств шло на покрытие ежедневных нужд. Если размер ежемесячно получаемых переводов превышал 250 долл., то объем средств, отложенных на небольшие инвестиции, возрастал [Astudillo, 2015].

Этот пример показывает, что «реальным результатом взаимодействия мигрантов и миграционных сообществ как в странах происхождения, так и в местах непосредственного проживания способствуют именно регулярность поддержания контактов и их пролонгированность» [Migraciones y codesarrollo., 2010, p. 55]. Такое постоянство позволяло со временем накапливать средства от денежных переводов и инвестировать их в производство на локальном уровне.

Латиноамериканская миграция в европейские страны ярко проявила общую глобальную тенденцию – активизацию мобильности женщин. По этому показателю латиноамериканских женщин можно отнести к мировому авангарду. На начальном этапе доля женщин в эквадорском и боливийском потоках составляла 60–70%. Значительная их часть работала в качестве домашней прислуги и занималась уходом за престарелыми людьми и детьми. В дальнейшем шло постепенное выравнивание пропорций за счет увеличения доли мужчин. Характер их трудоустройства существенно отличался, первым местом работы мужчин чаще всего становилась строительная сфера. Несмотря на то что латиноамериканцев можно было отнести к категории наиболее трудоустроенных и квалифицированных групп мигрантов в Испании, основой занятости был малоквалифицированный труд. Внутри регионального потока были профессионально-отраслевые различия: боливийцы, многие из которых мигрировали из сельских районов, находили работу в аграрном секторе, перуанцы и колумбийцы занимали вакансии в транспортных компаниях, аргентинцы работали в сфере образования, здравоохранения и в городском хозяйстве. Для последних была характерна значительная доля квалифицированного

труда и занятости на управленческих должностях (42%) [Encuesta..., 2010, p. 112, 115, 118].

Прошедшие годы не были линейными по динамике занятости, серьезный удар по наработанным каналам трудоустройства нанес кризис 2008–2009 гг. Если в 2007 г. уровень занятости среди латиноамериканцев превышал 70% [Ibid., p. 105], то в посткризисный период число безработных увеличилось. Коллапс строительной индустрии привел к радикальному сокращению рабочих мест, что впоследствии было компенсировано ростом числа вакансий в сфере услуг. По данным 2016 г., занятость выходцев из ЛА достигла 58,6% общего числа мигрантов региона. Показатель занятости вырос на 5,7% по сравнению с предыдущим годом, в то время как число безработных уменьшилось на 1,6% [Las remesas..., 2017, p. 24].

Расширение числа вакансий в сфере услуг позволило латиноамериканцам использовать языковое преимущество, особенно в ситуациях непосредственного контакта с клиентами в ресторанном бизнесе, гостиничном деле и в других областях. В целом, если поступательное восстановление испанской экономики будет продолжаться, можно ожидать новый приток мигрантов из латиноамериканского региона.

Мировой кризис 2008–2009 гг. стал важной вехой в развитии европейского вектора латиноамериканской миграции. Непрерывно возrastавший на протяжении десятилетия поток достиг своего максимума и начал постепенно сокращаться: с одной стороны, заметно уменьшился въездной поток, а с другой – постепенно происходил процесс натурализации. В посткризисные годы наблюдался новый феномен – возвратная миграция.

Поток эмигрантов – граждан Испании по факту состоял из людей, получивших испанское гражданство и под влиянием негативных тенденций на испанском рынке труда возвращавшихся в свои родные страны. Этому способствовали результаты «золотого десятилетия» в ЛА, когда благоприятная мировая экономическая конъюнктура позволила существенно смягчить негативные социально-экономические процессы и повысить уровень жизни в ряде стран континента. Правительства Эквадора, Чили, Бразилии предпринимали целенаправленные шаги для привлечения испанских

специалистов в научно-образовательную сферу своих стран. Все это усиливало взаимосвязь двух регионов и способствовало балансировке их интересов в вопросе передвижения людей и человеческого капитала.

Италия

Нить трансатлантической миграции связала государства ЛА прежде всего с регионом Южной Европы. Италия приняла второй по численности поток мигрантов из государств Латинской Америки. Это направление межконтинентальной мобильности формировалось синхронно с испанским и во многом было мотивировано сходными причинами. Приезду латиноамериканцев в Италию способствовали законодательные условия миграции. В начале XXI в. мигранты из ЛА использовали относительную легкость въезда в качестве туристов даже в тех случаях, когда им требовалась виза. Проблемы возникали лишь в ситуациях, когда они оставались в Европе после истечения срока разрешенного пребывания [Ruiz Sandoval, 2006, p. 5].

Такой режим мобильности предопределялся слабой проработкой миграционного законодательства. В качестве структурного явления миграция впервые была обозначена только в 1998 г., когда был принят закон № 40 «Об иммиграционной политике Италии» (Закон Турко-Наполитано), главной целью которого было упорядочивание положения иммигрантов из стран, не входящих в ЕС, и улучшение их интеграции в принимающее общество. Закон предлагал заметные нововведения, например: возможность въезда иностранцев в Италию для поиска работы; право на получение медицинской помощи, образования и трудоустройства даже для нелегальных мигрантов [Informe., 2014, p. 5].

Уже в 2002 г. нормами, унифицировавшими законодательство стран Евросоюза, эти инициативы были отменены (закон № 189/2002 «Изменение правил в области иммиграции и предоставления убежища» (Закон Босси-Фини)). Тем не менее юридические условия, существовавшие на рубеже веков, облегчили мигрантам, в том числе латиноамериканским, въезд в страну [Ibid.].

В первом десятилетии XXI в. латиноамериканский миграционный поток в Италию характеризовался значительным присутствием уроженцев Перу и Эквадора. Как отмечали аналитики, выходцы из андских стран регистрировались итальянской статистикой в качестве мигрантов, в отличие от граждан Аргентины и Уругвая, которые хоть и представляли значимое количество, являлись детьми иммигрантов-итальянцев, имевших или восстановивших итальянское гражданство [Migraciones y codesarrollo., 2010, p. 11].

В результате эта категория переселенцев как бы исчезала из статистики. По сравнению с другими сообществами иностранцев латиноамериканская группа была не столь многочисленной. Согласно данным о 16 общинах, проживавших в Италии, перуанцы занимали 15-е место (98,6 тыс. человек), а эквадорцы – 16-е (91,6 тыс. человек), что составляло соответственно 2,1 и 2,0% миграционного населения страны [Informe., 2014, p. 8].

Территориально латиноамериканцы концентрировались на северо-западе страны и в мегаполисах. Так, в Ломбардии проживали 42,4 тыс. перуанцев (что составляло 41,6% мигрантов из этой страны) и 41,1 тыс. эквадорцев (48,1% всех эквадорцев) [Ibid.]. Эквадорская миграция в Италии концентрировалась в Генуе, Милане и в меньшей степени в Риме. Миграционный поток из государств тихоокеанского побережья Южной Америки имел свои отличительные черты, которые выделяли его на общем фоне. Прежде всего это была трудовая миграция, основу которой составляли женщины. Во многом такой расклад был связан с особенностями рынка труда в Италии, где сформировался запрос именно в области работы на дому, ухода за пожилыми людьми и детьми. Данные исследований показали, что латиноамериканские женщины приезжали в Италию в одиночку, оставив семью на родине. Работа в надомном обслуживании позволяла сэкономить деньги, чтобы отправить их в родную страну. Начиная с 1990-х годов женщины-мигранты заменили итальянок в работе по дому, в то время как последние активно включались в работу за стенами дома. Аналогичную тенденцию мы могли увидеть и на примере Испании, где наем помощниц в домашней работе из числа эмигранток способствовал вовлечению испанских женщин в сферу труда.

В результате доля женщин в эквадорском сообществе достигала 63–67% [Neira Orjuela, 2014, p. 69]. В большинстве общин число женщин практически в два раза превосходило количество мужчин. Эта тенденция находила отражение даже в статистически небольших группах, например, среди выходцев из Боливии, Бразилии и Парагвая. Если в испанском варианте со временем произошло выравнивание полового состава, то в итальянском такая диспропорция во многом сохранилась. В последние годы во въездном потоке увеличилось число мужчин и детей из Эквадора, Боливии и Перу, что свидетельствовало о тенденции к воссоединению семей и о намерении окончательно обосноваться в Италии.

В данном контексте можно отметить такую особенность семейного проекта у перуанцев и эквадорцев, как стремление заключать брак преимущественно между людьми из одной страны или между двумя этими общинами. Эта стратегия отличала их от выходцев из других стран (Бразилии и Колумбии), среди которых регистрировалось наибольшее количество смешанных пар, где один из супругов был итальянцем. Выбор соотечественника в качестве пары демонстрировал меньшую склонность перуанцев и эквадорцев использовать брак в качестве инструмента для получения итальянского гражданства [Informe., 2014, p. 12].

В Италии латиноамериканцы сталкивались с меньшими трудностями интеграции, чем представители других национальных или этнических групп. Это было связано с тем, что исторические, культурные, религиозные и зачастую лингвистические особенности способствовали восприятию латиноамериканцев в качестве «желаемого» и «послушного» сообщества. По мнению сотрудников консульских служб, опрошенных в ходе исследования, эти качества давали им «конкурентные преимущества, особенно в сфере ухода за пожилыми людьми и детьми» [Ruiz Sandoval, 2006, p. 6].

Важным отличием латиноамериканской миграции в Италии стало формирование сообществ, с одной стороны, интегрированных в итальянское общество, а с другой – сохраняющих свою самобытность. Они активно формировали разного рода ассоциации, проводили мероприятия досуга и создавали зачатки «этнических» учреждений. Так, в Генуе можно было найти значительное число

журналов и местных телевизионных новостных программ на испанском языке, даже в католической церкви предлагались специализированные религиозные и социальные услуги [Queirolo Palmas, Ambrosini, 2007, p. 109–110].

Хотя латиноамериканцы не являлись системообразующими элементами миграционной панорамы Италии, они привнесли самобытные черты в мультиэтническую мозаику. Однако наибольшее влияние двусторонняя миграционная связь оказала именно на государства Южной Америки. Миграция в Италию стала одной из базовых составляющих конструкции территориальной мобильности жителей андского региона. Для эквадорцев эта южноевропейская страна вышла на третье место по популярности направлений миграции. Для перуанского населения Италия стала четвертой страной по численности трансграничной мобильности после США, Испании и Аргентины.

Наибольший темп прироста численности мигрантов из андских стран в Италии наблюдался в 2003–2004 гг. Однако под воздействием негативных экономических тенденций после кризиса 2008–2009 гг. въездные потоки из этих государств значительно сократились [Migrazioni internazionali., 2017]. Как отмечалось в пресс-релизе Итальянского института статистики о миграционной ситуации в 2016–2017 гг., увеличение въездного потока не всегда приводит к укоренению мигрантов. Например, из числа приехавших в Италию в 2012 г. только 53,4% по-прежнему присутствовали на итальянской территории по данным на 1 января 2017 г. [Cittadini., 2017]. Это явление связывалось как с натурализацией, так и с переездом в другие страны, что было характерно в том числе и для латиноамериканцев, часть которых со временем переехала в Испанию.

Представленный анализ развития европейского направления миграции в странах ЛА позволяет сделать ряд обобщений. Независимо от страны – цели миграции трансатлантический миграционный поток обладал единым набором характеристик. Его основу составили жители стран андского региона, где происходил активный рост населения. Демографический рост в этих странах создал

предпосылки для активной трансатлантической миграции. Современные средства транспорта и связи свели к минимуму значимость критерия географического расстояния при выборе цели миграции и способствовали расширению горизонта мобильности жителей региона.

«Модельной» страной для анализа трансатлантического направления миграции стал Эквадор. На «эквадорском примере» можно наблюдать все важные черты миграционного движения – феминизацию, преобладание молодых возрастов, трудовой характер мобильности. Новым элементом в развитии миграций стало формирование транснациональных сообществ. Сам факт присутствия за границами государства десятков тысяч сограждан ставил перед страной вопрос о механизмах поддержания связи с этими группами. Этот феномен дал толчок к поиску новых форм взаимодействия с соотечественниками.

Важным шагом в этом направлении стало решение ряда стран об участии мигрантов в электоральных кампаниях стран происхождения. Начало подобной практике было положено в 2006 г., когда в Эквадоре прошла первая избирательная кампания с таким регламентом участия. Во время выборов 2013 г. в голосовании приняли участие эквадорцы в 45 странах мира, наибольшее число зарегистрированных избирателей находилось в Испании (134,4 тыс. человек) и Италии (43,6 тыс. человек). Впоследствии их политическое участие не ограничивалось голосованием, представители сообществ мигрантов могли быть избраны в законодательные органы. С 2007 г. проживавшие за рубежом эквадорцы избрали шестерых представителей в свою Национальную ассамблею [Ramírez Gallegos, 2014, p. 60–61]. Такая практика, характеризующая обновление миграционной политики, позволяла правительству Эквадора выстраивать транснациональную политику «сверху». При этом стихийное становление миграционного пространства и размывание географических границ гражданства подчеркивало необходимость поиска новых каналов для дискуссии с проживающими за рубежом соотечественниками о формах их участия в политических процессах в родной стране, защите их интересов и способах решения

комплекса специфических вопросов, связанных с местом их проживания.

Диверсификация миграционных потоков на пространстве Южной Америки во многом оформилась под воздействием современных процессов глобализации. Активизация двусторонней мобильности свидетельствует о росте конкурентоспособности ряда латиноамериканских стран в борьбе за привлечение квалифицированных кадров. Новые формы межконтинентальных миграций имеют большой потенциал экономического развития и трансформации человеческого капитала.

Список литературы

Бауман З. Глобализация: Последствия для человека и общества. – М.: Весь мир, 2004. – 186 с.

Ермольева Э.Г. Латиноамериканская молодежь как ресурс и региональная проблема // Латинская Америка / РАН. ИЛА. – М., 2017. – № 4. – С. 90–94.

Кудеярова Н.Ю. Эпоха массовых миграций в Латинской Америке: Глобализация vs. локализация // Латинская Америка / РАН. ИЛА. – М., 2017. – № 2. – С. 76–91.

Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории: Глобализация в историческом измерении. – М.: Новый век, 2003. – 274 с.

Синельщикова И.Г. Иммиграция в Испании: «Pro» и «contra» // Латинская Америка / РАН. ИЛА. – М., 2008. – № 12. – С. 58–75.

Синельщикова И.Г. Латиноамериканцы в Испании // Латинская Америка / РАН. ИЛА. – М., 2007. – № 10. – С. 91–99.

Тюрюканова Е.В. Миграция и глобализация // Население и глобализация / Под ред. Н.М. Римашевской. – М.: Наука, 2004. – С. 278–295.

Хенкин С.М. Иммиграция в Испании: Характер, масштабы, социально-психологические последствия // Актуальные проблемы Европы / РАН. ИНИОН. – М., 2005. – № 1. – С. 156–174.

Хенкин С.М. Латиноамериканская община в Испании // Актуальные проблемы Европы / РАН. ИНИОН. – М., 2009. – № 4. – С. 101–119.

Яковлев П.П. «Фактор Трампа» и меняющийся облик глобализации // Мировая экономика и международные отношения / РАН. ИМЭМО. – М., 2017. – № 7. – С. 5–14.

Astudillo G. El envío de remesas al Ecuador disminuyó en los últimos ocho años // El Comercio. – Quito, 2015. – 10.05. – Mode of access: <http://>

www.elcomercio.com/datos/remesas-ecuador-migrantes-familia-azuay.html
(Дата обращения – 06.03.2018).

Baquero A. Los bolivianos forman en España el grupo de inmigrantes que más crece // Diario Córdoba. – Córdoba, 2006. – 02.01. – Mode of access: http://www.diariocordoba.com/noticias/sociedad/bolivianos-forman-espana-grupo-inmigrantes-mas-crece_224125.html (Дата обращения – 06.03.2018).

Canje de notas de 30 de octubre de 1963 sobre supresión de visados entre España y Ecuador, hecho en Madrid / Ministerio de asuntos exteriores // Boletín Oficial del Estado. – Madrid, 1982. – 30.03. – N 76. – Mode of access: <https://www.boe.es/boe/dias/1982/03/30/pdfs/A08150-08151.pdf> (Дата обращения – 06.03.2018).

Cittadini non comunitari: Presenza, nuovi ingressi e acquisizioni di cittadinanza / ISTAT. – Roma, 2017. – Mode of access: <http://www.istat.it/it/archivio/204296> (Дата обращения – 06.03.2018).

Córdoba Toro J. Una aproximación a la inmigración ecuatoriana en España (1995-2005) // Iberoamérica social. – Sevilla, 2015. – 10.06. – Mode of access: <http://iberoamericasocial.com/una-aproximacion-a-la-inmigracion-ecuatoriana-en-espana-1995-2005> (Дата обращения – 06.03.2018).

Denuncia del canje de notas de 30 de octubre de 1963 sobre supresión de visados entre España y Ecuador, hecho en Quito el 3 de junio de 2003 / Ministerio de asuntos exteriores // Boletín Oficial del Estado. – Madrid, 2003. – N 159, 04.06. – Mode of access: <https://www.boe.es/boe/dias/2003/07/04/pdfs/A26025-26025.pdf> (Дата обращения – 06.03.2018).

Encuesta nacional de inmigrantes 2007: El mercado de trabajo y las redes sociales de los inmigrantes / Ministerio de trabajo e inmigración. – Madrid, 2010. – 624 p. – Mode of access: http://extranjeros.empleo.gob.es/es/ObservatorioPermanenteInmigracion/Publicaciones/fichas/archivos/Encuesta_Nacional_Inmigrantes2007.pdf (Дата обращения – 06.03.2018).

Extranjeros con certificado de registro o tarjeta de residencia en vigor: Resultados detallados / Observatorio permanente de la inmigración; Ministerio de trabajo y seguridad social. – Madrid, 2016. – Mode of access: <http://extranjeros.empleo.gob.es/es/Estadisticas/operaciones/con-certificado/index2.html> (Дата обращения – 06.03.2018).

Hirst P., Thompson G. Globalization and the future of the nation state // Economy and society. – Abingdon-on-Thames: Taylor & Francis, 1995. – Vol. 24, Issue 3. – P. 408–442.

Informe país Italia // Ventanillas Únicas OSS-LAC. – Madrid, 2014. – 63 p. – (Istituto cooperazione economica internazionale. Proyecto PTRSI). – Mode of access: <http://ventanillasunicas.oei.es/documentos.html> (Дата обращения – 06.03.2018).

La población de origen ecuatoriano en España: Características, necesidades y expectativas en tiempo de crisis / Martínez J.I., Moreno Márquez G., Fernández García M., Oleaga Páramo J.A., Cuadra F.V., de la. – Madrid, 2015. – 198 p. – Mode of access: [http://espana.embajada.gob.ec/wp-content/uploads/2016/04/La-poblacion-de-Origen-Ecuatoriano-en-Espa%*C3*%*B1*a.pdf](http://espana.embajada.gob.ec/wp-content/uploads/2016/04/La-poblacion-de-Origen-Ecuatoriano-en-Espa%C3%B1a.pdf) (Дата обращения – 06.03.2018).

Las remesas hacia América Latina y el Caribe en 2016: Nuevo récord / Centro de estudios monetarios latinoamericanos (CEMLA). – México, 2017. – 37 p. – Mode of access: <http://www.cemla.org/PDF/remesaseinclusion/2017-06-acelerandoremesas.pdf> (Дата обращения – 06.03.2018).

Migraciones y codesarrollo en la relación entre la Unión Europea y América Latina y el Caribe / Gómez Galán M., David I., Albarrán Calvo M., Malgesini Rey G., El Harchi Biro Ya. – Santiago de Chile, 2010. – 108 p. – Mode of access: http://www.cideal.org/docs/Migraciones%20y%20codesarrollo_UE_ALA_Caribe.pdf (Дата обращения – 06.03.2018).

Migration and remittances data // World Bank. – Wash., D.C., 2018. – Mode of access: <http://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaisues/brief/migration-remittances-data> (Дата обращения – 06.03.2018).

Migrazioni internazionali e interne della popolazione residente / ISTAT. – Roma, 2017. – Mode of access: <http://www.istat.it/it/archivio/206675> (Дата обращения – 06.03.2018).

Neira Orjuela F. Dinámica migratoria, remesas y políticas de la Comunidad Andina en el nuevo siglo. – México, 2014. – 224 p.

Perspectivas económicas de América Latina 2017: Juventud, competencias y emprendimiento / OCDE; CAF; CEPAL. – P., 2016. – 338 p. – Mode of access: https://www.oecd.org/dev/americas/E-book_LEO2017_SP.pdf (Дата обращения – 06.03.2018).

Population living below the extreme poverty and poverty lines, by geographical area / CEPAL. CEPALSTAT. – Santiago de Chile, 2015. – Mode of access: <http://interwp.cepal.org/sisgen/ConsultaIntegrada.asp?idIndicador=182&idioma=e> (Дата обращения – 06.03.2018).

Queirolo Palmas L., Ambrosini M. Lecciones de la inmigración latina a Europa e Italia // Nuevas migraciones latinoamericanas a Europa: Balances y desafíos / Yépez del Castillo I., Herrera G. (Eds.). – Quito, 2007. – P. 95-112.

Ramírez Gallegos J. La política migratoria en Ecuador. – Quito, 2014. – 88 p.

Ruiz Sandoval E. Latinoamericanos con destino a Europa: Migración, remesas y codesarrollo como temas emergentes en la relación UE-AL / Instituto Complutense de estudios internacionales. – Madrid, 2006. – 26 p. – Mode of

access: <https://www.ucm.es/data/cont/docs/430-2013-10-27-PP%2002-06.pdf>
(Дата обращения – 06.03.2018).

Waldinger R., Fitzgerald D. Transnationalism in question // American j. of sociology. – Chicago, IL: Univ. of Chicago press, 2004. – Vol. 109, N 5. – P. 1177–1195.

World development indicators / World Bank Group. – Wash., D.C., 2017. – Mode of access: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators> (Дата обращения – 06.03.2018).